

Нина Тропина

(Херсон)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ СЛОВАРЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Николаю Максимовичу Шанскому,
стоявшему у истоков семантической
дериватологии, в честь его 90-летия
посвящается

У статті розглядається історія становлення поглядів на формування нових значень слів як на один з видів словотворення – лексико-семантичну деривацію.

Ключові слова: полісемія, словотвір, деривація, семантична деривація.

The article focuses on the history of new meaning formation – lexico-semantic derivation.

Key words: polysemy, word-formation, derivation, semantic derivation.

Семантическая (лексико-семантическая) деривация как самостоятельный способ пополнения словаря до настоящего времени не только не описана достаточно полно, но и объективность ее существования нередко все еще подвергается сомнению. Причин тому несколько. Во-первых, статус семантической (лексико-семантической) деривации среди других способов образования языковых единиц не является ни однозначно понимаемым, ни достаточно определенным. Во-вторых, теория дериватологии как самостоятельное направление в изучении порождения, развития, изменения языковых единиц совсем недавно прошла стадию становления и кодификации [16]. В самом понимании терминов деривация, семантическая деривация, лексико-семантическая деривация отражается как сложность и неоднозначность языковых явлений, стоящих за этими терминами, так и определенные этапы и повороты в развитии лингвистической мысли.

Деривация (лат.-*derivatio* – отведение, образование, отклонение) понимается современным языкознанием узко и широко. При узком понимании термин выступает как синоним словообразования или даже как синоним только морфологического словообразования простых производных слов в противовес словосложению [2, с. 23; 17, с. 8]. При широком понимании, более свойственном нашему времени, под деривацией понимаются процессы (реже – результаты) “образования в языке любых вторичных знаков” [10, с. 129] – слов, грамматических форм слов, словосочетаний, предложений и т.д. – “всех возможных языковых единиц, начиная с фонемы и кончая текстом” [16, с. 3].

Лексико-семантической (иногда – просто семантической) деривацией называют два близких, но не полностью адекватных явления: 1) образование омонимов в результате распада полисемантических слов, 2) возникновение у слов новых значений, что ведет либо к превращению моносемантического слова в полисем, либо к расширению структуры полисема (это явление чаще называют просто семантической деривацией); реже так называют и результат возникновение новых значений – само явление полисемии [14]. Иногда семантический и лексико-семантический способы разграничивают и понимают в этом случае семантический более широко, как включающий в себя, помимо лексико-семантической деривации, также и семантико-морфологический способ, при котором новое слово “возникает благодаря эллипсу грамматически зависимых слов и концентрации значения фразеологического оборота в целом на опорном слове” [24, с. 13],

напр.: *железная дорога* > *дорога*. Как видим, первое понимание лексико-семантической деривации опирается на узкое значение термина “деривация” (деривация = словообразование), второе – на широкое понимание деривации как образования любых вторичных знаков (в данном случае образуются новые значения слов – лексико-семантические варианты). Более ранним и потому в определенной мере более традиционным является использование термина лексико-семантическая деривация для обозначения одного из типов неморфологического словообразования – распада многозначных слов на омонимы. Это издавна знакомое семасиологии явление было впервые осмыслено как входящее в парадигму словообразовательной системы русского языка В.В. Виноградовым, когда словообразование как самостоятельный раздел языкознания только закладывалось. В ходе становления словообразования как самостоятельной науки, в результате разграничения диахронических процессов образования слов и синхронных мотивационных связей между словами, и, соответственно, размежевания диахронного и синхронного словообразования, наметилась тенденция относить лексико-семантическую деривацию к диахроническому словообразованию [5, с. 170; 17, с. 119]. При явном крене словообразования как науки в сторону синхронии, лексико-семантическая деривация оказалась на периферии интересов дериватологов, требовала (особенно до появления известной работы Н.М. Шанского [24]) и до настоящего времени часто требует дополнительного обоснования своего включения в парадигму словообразования вообще и особенно в систему синхронного словообразования: “Имея в виду, что в результате семантического способа словопроизводства фонетически новых слов не создается, а также то, что с его помощью новые слова появляются в языке как будто в процессе более или менее длительного употребления, многие ученые до сих пор вообще выводят этот способ обогащения лексики из сферы словообразования” [24]. Главным аргументом включения семантической деривации в систему способов словообразования Н.М. Шанский выдвигает изоморфизм ее “деривативной сущности” морфологическому словообразованию, который видится ученому в общности результата и сходстве механизмов лексико-семантического и морфологического словообразования: во-первых, при лексико-семантическом словообразовании, как и при морфологическом, возникают новые номинативные единицы (“каждый омоним это уже новое наименование” [24, с. 12]), во-вторых, “слова в языке возникают в результате семантического развития слова, по существу, так же, как при использовании морфологического способа... Аналогия как основной закон создания новых слов автоматически и последовательно действует и здесь, в определенных условиях, приводя к возникновению на месте трех членов деривативно-семантической пропорции полного словообразовательного квадрата, так как это мы наблюдаем при морфологическом словопроизводстве” [24, с. 12]. При таком понимании, во-первых, теоретически исключается возможность интерпретации лексико-семантической деривации как синхронического явления и, во-вторых, область действия лексико-семантической деривации распространяется только на однородные омонимы.

Действительно, основным признаком перехода полисемии в омонимию является отсутствие живых семантических связей между омонимами. Этот же признак – наличие живых словообразовательных связей – основное условие при установлении между двумя языковыми единицами синхронных словообразовательных отношений: “...отличительные признаки отношений производности (живой, синхронической – Н.Т.) ярче всего выявляются в сфере семантики вторичных форм: характерной приметой указанных отношений является семантическая мотивированность вторичного образования. Там, где такой мотивированности нет, отсутствуют и отношения словообразовательной производности” [9, с. 201]. Это требование актуальной мотивированности закономерно позволяет видеть в лексико-семантической деривации, понимаемой как распад полисемии, только диахроническое явление, не “вписывающееся” в синхроническое словообразование: “Полностью отсутствует в синхроническом словообразовании лишь

один из основных способов диахронического словообразования – лексико-семантический. Дело в том, что исторически производные слова, возникшие в результате данного способа словообразования, в современном языке лишены производящих, мотивирующих слов” [17, с. 119].

Однако ряд исследователей считает, что лексико-семантическая деривация в выше рассмотренном понимании (как способ словообразования) действует и в синхронии. Возникающее при этом противоречие между последовательностью в признании за лексико-семантической деривацией статуса одного из способов образования слов, с одной стороны, языковой интуицией исследователя и языковыми фактами, которые противятся отнесению лексико-семантической деривации только к диахронии, только к образованию омонимов в общепризнанном понимании, – с другой, снимается некоторыми исследователями за счет расширительного толкования явления омонимии.

Такое расширительное толкование омонимии при обосновании действия лексико-семантической деривации в синхронии имеет две разновидности – более и менее кардинальную. Менее кардинальная позиция базируется на фактах неодинаковой удаленности гетерогенных омонимов и фактах постепенной утраты связей между некогда родственными значениями. Действительно, не является же переход полисемии в омонимию мгновенным явлением. Даже чисто умозрительные построения могут привести к предположению о постепенности утраты семантической близости между значениями полисема. Теоретически предсказуемая градуируемость оси “полисемия” > “омонимия” подтверждается данными психолингвистики. Наблюдения над восприятием носителями языка полисемии и омонимии, проведенные независимо киевским ученым М.П. Муравицкой [15] и воронежским исследователем В.В. Левицким [11], приводят к выводу, что эти явления, стратифицируемые, как правило, языковедами, в сознании носителей языка резко не разграничиваются, при этом значения одних полисемов оцениваются как более близкие, значения других – как более удаленные, омонимы могут оцениваться как обладающие некоторой связанностью. Это, в свою очередь, позволяет языковедам говорить о существовании явлений, промежуточных между полисемией и омонимией: “между “подлинной” полисемией и “подлинной” омонимией лежит множество промежуточных типов” [11, с. 64]: *корень дерева – корень зуба – корень зла – квадратный корень*, где крайние позиции занимают омонимы, а близлежащие пары являются значениями полисема.

По мнению Ю.А. Карпенко, “перехідний тип” можна визначити як слова з однаковою звуковою формою і різною семантикою, взаємопов’язаність яких виразно сприймається мовцями, але є настільки віддаленою, що слова не становлять семми одного слова” [6, с.4]. Ученый предлагает применять по отношению к этим промежуточным типам термин **мезоним** (от гр.*mesos* – средний, срединный, промежуточный), а само явление **мезонимии** считает неопровержимым доказательством действия лексико-семантической деривации в синхронии языка [6]. Таким образом, краеугольным камнем обоснования возможности действия лексико-семантической деривации в синхронии оказывается признание за мезонимами статуса не семем одного слова (почему?), а статуса самостоятельных слов “Утворення мезоніма є завжди утворенням нового слова, тобто – словотвірним актом” [6, с. 4]. Система доказательств при этом сводится, по существу, к двум позициям: 1) в восприятии носителей языка полисемия и омонимия резко не разграничивается, что подтверждается психолингвистическими наблюдениями М.А. Муравицкой и В.В.Левицкого; 2) при мезонимии лексема соотносится с новыми денотатом и сигнификатом. Оба факта достаточно известны семасиологам, однако являются ли они доказательством существования мезонимии? Возникают вопросы: где на шкале “полисемия – омонимия” поворотная точка? Может ли количественный критерий, данный носителями языка как самооценка своего восприятия близости или удаленности разных концептов, связанных одной лексемой, быть достаточно объективным? С другой стороны, если

мотивированность ощущается носителями языка, почему ею можно пренебречь и объявить единицы самостоятельными словами? Кроме того, приобретение единицей нового значения и новой денотативной отнесенности отнюдь не является доказательством того, что перед нами не новый лексико-семантический вариант слова, а новое слово: доказано, что самостоятельной денотативной отнесенностью и самостоятельным значением обладают не только омонимы, но и линейно-семантические варианты полисемов [4, с. 14]. Но если этот критерий не может быть решающим при разграничении полисемии и омонимии, то, как он может действовать при выделении мезонимов? Представляется, что по поводу выделения мезонимов можно повторить сказанное В. В. Морковкиным о так называемых “оттенках значения”: “если опознание семантически различного в содержании слова есть обнаружение чего-то такого, что существует объективно (и это можно показать и доказать), то сообщение некоей семантической единице того или иного статуса по самой своей сути условно. Отсюда следует, что споры о статусе той или иной семантической единицы (т.е. является она отдельным значением или оттенком значения) чаще всего бесплодны и некорректны, поскольку они имплицитно основываются на ложном предположении о существовании некоторых объективных черт значения и оттенка значения” [14, с. 162].

Еще более кардинально явление омонимии расширяют, опираясь на высказывание А.А. Потебни “где два значения – там два слова”, В.М. Марков и его последователи [13, с. 20]. Это дает им возможность решить проблему синхроничности лексико-семантической деривации постулированием тезиса “Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта” [13, с. 8], таким “ходом” снимается и проблема полисемии и проблема статуса и места семантической деривации: всякая лексическая неоднозначность становится омонимией, тогда на нее закономерно, без всяких теоретических противоречий, распространяется область действия семантической деривации. Однако вряд ли многие из современных лексикологов согласятся признать, что в следующих примерах перед нами не многозначность, а омонимия: *“Конкуренточка моя, не нужен твой миленочек, привяжи его к себе на сорок семь веревочек”*, *“Дроля-сладкое **сердечко** – в каждую влюбляется...”*, *“На правой рученьке кольцо, играет Петя-золотцо”* [20, с. 73-74].

Думается, что доказательством действия лексико-семантической деривации в синхронии языка должно являться не существование мезонимов (если даже допустить, что оно доказано), а то, что в языке существует, реально воспринимается носителями языка и признается современным исследователями факт выводимости, производности, мотивированности между значениями полисема и даже между гетерогенными омонимами. В последнем случае носители языка часто видят мотивационные отношения даже там – в случае этимологической омонимии, – где они для филолога заведомо невозможны [1]. Именно этим свойством обусловлено другое понимание лексико-семантической деривации.

В другом понимании семантической (лексико-семантической) деривацией называют способность слов изменять свои значения, что приводит, поскольку старые значения сохраняются длительное время, к полисемии. “Как все живое, слово не остается тождественным самому себе во времени. Оно само в себе несет потенцию своего изменения. Одной из актуализаций этой потенции и является многозначность, которую правильно рассматривать не только как состояние, но и как процесс, из чего, кстати, следует, что все слова языка актуально или потенциально многозначны” [14, с. 48]. Понимание семантической деривации как процесса образования новых значений и как способа сосуществования значений полисемантического слова впервые эксплицитно выражено С.Д. Кацнельсоном, который в работе 1965 г. “Содержание слова, значение и обозначение” обосновал наличие актуальных деривационно-мотивационных (т.е. осознаваемых носителями языка), а не только исторических, связей между значениями полисема, и вслед за А.А. Потебней [18, с. 96] утверждает, что “связь между значениями

одной лексемы носит не семантический, а деривационный характер” [7, с. 48] (читай: не только семантический – Н.Т.). Эти связи видятся ему (С.Д. Кацнельсону) как отношения производности, деривации, мотивированности; а структура полисема – как деривационная структура, причем не только исторически производная, но и проявляющаяся в синхронически актуальных мотивационных отношениях между семемами: “Деривационная структура многозначного слова не является однотипной, данной раз и навсегда. В процессе исторического развития она нередко существенно видоизменяется. Перестройка деривации может выразиться в изменении отношения между главными и второстепенными значениями и даже в расщеплении единой структуры на две. Необходимо поэтому различать *этимологические*, т.е. исторически снятые, и *актуальные*, действительно проявляющиеся в слове данной эпохи деривационные отношения” [7, с.50]. Такое понимание семантической деривации принято современной семасиологией (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова, М.П. Муравицкая, В.М. Русановский, А.А. Тараненко, А.А. Уфимцева, Г.М. Шипицина, Д.М. Шмелев, А.Н. Шрамм и др.). Оно базируется на признании за любыми языковыми изменениями статуса деривации, т.е. на широком толковании самого понятия деривации.

Именно так понимаемые связи между значениями полисема являются одним из проявлений эпидигматических отношений в лексике, которые Д.Н. Шмелев выделил в качестве “третьего измерения” в языке, наряду с двумя другими – парадигматическим и синтагматическим [25].

Представляется, что для теоретического осмысления места лексико-семантической деривации среди других способов обогащения словаря, обоснования ее места в синхронии или диахронии необходимо учесть ряд теоретических положений современной лингвистики.

Прежде всего, необходимо осмыслить те следствия, которые вытекают из признания, после известной дискуссии начала 60-х гг., системности лексико-семантического яруса языка [22] и выделения в качестве его основной единицы лексико-семантического варианта, а не слова, обоснованного А.И. Смирницким. Для семасиологов к настоящему времени положение о таком статусе лексико-семантического варианта (ЛСВ) стало общепринятым, не требующим ни ссылок на авторитеты, ни доказательств (все же приведем главное из них: во все системные отношения – парадигматические, синтагматические, эпидигматические – вступает именно лексико-семантический вариант слова, а не слово во всей совокупности своих значений). Из этого следует со всей очевидностью вывод: пополнением лексико-семантической системы следует считать не только появление новых слов, но и, а может быть не “и”, а “*прежде всего*”, появление у слов новых значений, новых лексико-семантических вариантов. Именно на это указывал С.Д.Кацнельсон (1965): “Процессы семообразования и словообразования в известной степени параллельны” [7, с.51] (термин *сема* в данном употреблении С.Д. Кацнельсона соответствует современному *семема*). С ономаσιологических позиций семообразование (образование новых значений слова) и словообразование выглядят как имеющие одинаковую задачу – номинировать: появление нового лексико-семантического варианта, как и появление нового слова – это номинативный акт, акт соотнесения имени с денотатом и сигнификатом. Различие заключается не в сути, не в направленности семо- и словообразования, а в технике, в языковых ресурсах, используемых в каждом из этих случаев.

Если к этому прибавить обоснованное А.И. Смирницким положение о гомогенной омонимии как пределе лексико-семантического варьирования слова [21], то станет очевидным, что два понимания лексико-семантической деривации только кажутся не совместимыми, становится очевидной беспочвенность отнесения лексико-семантической деривации только к синхронии или только к диахронии. Современная лингвистика все чаще приходит к мысли: “Укрепившаяся в нашем языкознании традиция противопоставления по-сосюровски синхронии и диахронии носит ущербный характер:

два эти подхода вместо взаимного дополнения оказались оторванными друг от друга, что обусловлено не столько принципиальными соображениями, сколько недостаточной осведомленностью синхронистов в истории языка и сосредоточенностью историков языка на динамике исторических процессов в далеком прошлом с редким доведением их до современности, а также невниманием к системному осмыслению современного состояния исторически изменившихся элементов языка и их взаимных отношений” [3, с. 103].

Такая строгая демаркация вызвана боязнью нарушить чистоту синхронных исследовательских позиций. Однако жесткая граница между синхронией и диахронией существует скорее как гносеологическая условность, не всегда способствующая адекватной оценке языковых явлений. Есть основания предположить, что ряд языковых процессов присущи как синхронии, так и диахронии. Н.Д. Шмелев еще в 1973 г. указывал, что “...боязнь “смешать” эти два аспекта исследования привела к по существу неправильной оценке некоторых лексико-семантических явлений. Так, исключительно “диахронический смысл” был придан понятию метафорических и метонимических “переносов” в лексике, вследствие чего соответствующие явления не получили еще в современной лингвистике адекватной оценки” [25, с. 219]. Думается, что к таким явлениям относится и лексико-семантическая деривация в целом. Действительно: “Втрата тотожности слова починається в синхронії і завершується в діахронії” [19, с. 77].

Кроме того, синхрония не понимается современной лингвистикой как нечто статичное, застывшее, а мыслится, вслед за И.А. Бодуэном де Куртене и Л.В. Шербой, как явление, обладающее динамикой. Идея динамической синхронии как нельзя лучше позволяет видеть в лексико-семантической (семантической) деривации такое явление, которое связывает настоящее и будущее лексико-семантического яруса языка в неразрывное, постоянно изменяющееся и развивающееся целое.

Думается, что лексико-семантическая деривация – это и изменение значений слов, приводящее к многозначности (возникновению ЛСВ), а также и процесс образования гомогенных омонимов. Если при этом помнить, что разграничение полисемии и, по крайней мере, гомогенной омонимии до настоящего времени остается проблемой, в решении которой есть достаточно аргументированные попытки показать их (омонимии и полисемии) онтологическую близость, “одинаковость” и свести их к “лексической неоднозначности” (М.П. Кочерган, Ю.Д. Апресян и др.), то становится еще более понятным, что вопрос об области действия лексико-семантической деривации является, по сути, вопросом о лингвистической сущности и возможности демаркации полисемии и гомогенной омонимии. Если же при этом осознавать, что разграничение полисемии и гомогенной омонимии является скорее проекцией на лексическую неоднозначность лексикографических нужд, чем отражением их онтологических различий, что полисемия и гомогенная омонимия – одно и то же лингвистическое явление на разных стадиях своего существования, то станет еще более понятным, что перед нами один и тот же языковой процесс семантического развития значения, последовательно приводящий к полисемии и гомогенной омонимии.

Что касается терминологии, то было бы заманчиво избежать ее “удвоения” и использовать по отношению к кодифицированной, “устоявшейся” гомогенной омонимии термин лексико-семантическая деривация (словообразование), по отношению к появлению у слова новых значений, образованию лексико-семантических вариантов – термин семантическая деривация. Однако строгое разграничение терминов может, во-первых, создать видимость того, что за разными терминами стоят разные деривационные процессы (а это не так, процесс один), во-вторых, может привести к искушению расширительного толкования омонимии (см. выше). Поэтому представляется, что следует, по крайней мере, на настоящем этапе осмысления проблемы, смириться с терминологической синонимикой и считать ее неизбежной.

Итак, нам представляется, что лексико-семантическая (семантическая) деривация – это неморфологический способ пополнения словаря, постоянно действующий в

синхронии и имеющий “выход” в диахронию языка: между образованием лексико-семантических вариантов (появлением у слов новых значений) и появлением гомогенных омонимов нет резкой границы. Это одно и то же явление на разных стадиях своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньева М.Г. Строева Т. В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. – Л.: ЛГУ, 1966. – 89 с.
2. Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 189 с.
3. Добродомов И.Г. Еще раз об исторической памяти в языке // Вопросы языкознания. – 2002.- № 2. – С.103 – 108.
4. Задорожный М.И. О границах полисемии и омонимии. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 71 с.
5. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Просвещение, 1973.
6. Карпенко Ю.А. Синхронічна сутність лексико-семантичного словотвору // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С.3-10.
7. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
8. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – С.345 – 394.
9. Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (На материале германских языков). – М.: Наука, 1974. – 319с.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 682с.
11. Левицкий В.В., Стернин И.И. Экспериментальные методы в семасиологии. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та., 1989. – 193 с.
12. Левковская К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. – М.: Высш. школа, 1962. – 296 с.
13. Марков В.М. О семантическом способе образования слов // Русское семантическое словообразование. – Ижевск, 1984. – С. 3-21.
14. Морковкин В.В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы ее лексикографического описания // Русский язык. Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1981. – С. 153-166.
15. Муравицкая М.П. Психолингвистический анализ лексической омонимии в украинском языке // Вопросы языкознания. – 1991. – № 1. – С. 116-124.
16. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984. – 56 с.
17. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высш. школа. – 1984. – 256 с.
18. Потенция А.А. Из записок по русской грамматике. – М. – Л., 1941, – т. 4.
19. Русанівський В.М. Структура лексичної і граматичної семантики.- К.: Наукова думка, 1988.- 240 с.
20. Рымарь Р.М. Лексическая и грамматическая деривация имен существительных категории субъективной оценки в языке фольклора (на материале русских частушек). – Горловка, 1990. -190с.
21. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема “тождества слова”) // Труды Института языкознания, т. IV, 1954. – С. 3-49.
22. Уфимцева А. А. К вопросу о лексико-семантической системе языка // Тезисы докладов. На дискуссии о проблеме системности в языке. – М.: 1962. – С. 12-15.
23. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – 309 с.
24. Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. – 1977. – № 3. – С. 9-16.
25. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.